

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

БЕССТРАШНЫЕ РАДИ ЛЮБВИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Читатели разных стран отмечают столетие со дня рождения Александра Степановича Грина. Писателя-романтика преданно любят в социалистических странах, его издают, его читают в Америке и Англии, во Франции и Финляндии. Эту дату объявила в своем календаре на 1980 год ЮНЕСКО.

Многие полагают Грина, по преимуществу, писателем для подростков. Это не так. Его творчество обладает своеобразным магнетизмом и для школьника, и для ученого. Проникая в почву действительности, художественные образы Грина обретают неожиданную жизненную силу.

Под аншлагом «Алый парус» над странницей «Комсомольской правды» юношество наших дней темпераментно ведет летопись своих дел, намерений, тревог и свершений. А психофизиолог с мировым именем начинает свою лекцию в писательском клубе поразительной фразой: «Никто из писателей не сумел так блестяще описать функции головного мозга, как это сделал Александр Грин в своем рассказе «Возвращенный ад».

Ученого привлекло и поразило совпадение современных положений науки с художественным опытом, относительно давним по времени — рассказ появился в 1915 году. Мысль «Возвращенного ада»: человек — непотопимое, но и целесообразное чудо природы, со способностью самоконтроля и самоусовершенствования в нем и я, присущей лишь ему, человеку.

Обдумывание возможностей человека — начало и содержание романтического творчества Александра Грина. Он так понимает задачу искусства — и это задача искусства вообще — внушать чувство уверенности человеку. Но это не то эгоистическое чувство, с каким кто-то выходит на бой за себя одного.

Виктор Борисович Шкловский мудро сказал о героях Грина: они потому так необыкновенно сильны, что умеют забыть себя.

Начав писать в годы безвременья, после поражения первой русской революции, Грин противопоставил цинизму обывателя, его неверию в высокие идеалы тип неугомонного искателя, фантазера и чудотворца, «рыцаря причудливых впечатлений». Как художник Грин, подобно Горькому, весь вышел из протеста. Он свободно избрал собственную стилистическую манеру и направление творчества, вырвал героя из удушливой, рабски предопределенной механичности бытия, дал ему необычное имя и открытую всем ветрам арену, бросил в океанические и небесные дали.

Плывущий в небе, бегущая по волнам — специфически гриновская символика свободного, неуемного духа.

...Мы сидим с болгарским актером Савой Хашымовым, исполнителем роли Гарвея в

советско-болгарском фильме «Бегущая по волнам», в артистическом кафе. Он говорит:

— Грин научил меня видеть в людях, в себе, в окружающем мире то, чего я не видел раньше. Иногда рассматривают его творчество как уход от повседневности в мир фантазии. Это только поверхность его романтики. Когда я читаю Грина, мне кажется, что ставлю перед собой зеркало и ухожу в ту сущность, которая не видна.

Хашымов, на мой взгляд, был единственным исполнителем, воплотившим в образе Гарвея тонкие переливы символики и реальности, свойственные творчеству Грина. Идея романа шире банальной тоски по несбыточному, подчеркнута всем пафосом фильма. Смысл книги адресован творческому началу в людях.

Гринковский герой — воитель. Его цель — сознательное творчество добра. Он способен бороться не только за свою мечту, но и за мечту другого. Если бы не было целеустремленного действия Грея, давшего жизнь детской мечте Ассоль о корабле с алыми парусами, знаменитая сказка могла бы стать еще одним образцом романтики для разочарованных, чьи души уязвлены горечью безверия. Романтика Грина другая. Он задумал свою феерию в канун Октябрьской революции, он уловил в атмосфере пафос дерзостной силы человека и навсегда уверился в том, что чудеса своей жизни люди могут делать «своими руками».

Самое характерное в гриновском герое — мужественное противостояние обстоятельствам и почти всегда покорение обстоятельств. Обдумывание возможностей человека — начало и содержание романтического творчества Александра Грина. Писатель ставит героя перед большими испытаниями на пути к достижению цели. Он знает, и каждый это знает — счастье дается трудно. И потому основывает свои сюжеты на событиях чрезвычайных. Его героев ожидают циклоны, кораблекрушения, эпидемии и пожары. Близость или возможность катастрофы обнажает все сокровенное, и на срезе встревоженного сердца виден неподдельный человек.

«Настоящий искатель приключений отличается от банально любопытного человека тем, что каждое неясное положение исчерпывается им до конца», — вот кто «безумец» по Грину: не банально целеустремленный человек. Однако, составляя список произведений для издательства, писатель сгруппировал ряд рассказов под одной рубрикой: «Настроения сильных натур, поставленных в исключительные обстоятельства устремления к цели».

Звучит как тема научного

реферата. И Грин действительно экспериментировал, рисуя в рассказах картину душевной встряски и экстраординарную ситуацию, кризисную, пограничную, как сегодня говорят философы. Современная медицина назвала это явление стресс-реакцией, взрывающей привычные самоограничения человека.

В рассказе «Вокруг света» Грин предлагает герою путешествие-испытание как пробу душевной и физической выносливости.

Грин много раз испытывал своего героя в «исключительных обстоятельствах устремления к цели». Его сюжеты и характеристики не просто исчерпывают потенции персонажей «до дна». Чудесно и убедительно говорит он о неисчерпаемости, о безграничной энергии человеческого духа и тела.

Движение к цели мобилизует, выявляет глубину духовных и мощь физических ресурсов. Стимулом, пробным камнем служит случай, «полезное нервное потрясение», когда проявляется в человеке и для человека очень важное и отступает второстепенное. Неудивительно внимание психофизиологов к творчеству Грина, к его угадыванию задатков и проявлений человеческой природы в процессе сложных отношений с действительностью.

Мир художников удивителен, в нем смело перекидываются мосты к небывалому, о котором до поры еще ничего не известно ни в теории, ни в практике человечества.

Идея покорения космоса в искусстве существовала задолго до того, как она возникла в качестве технической проблемы. Стремление к звездам было у человека испокон веков. В форме мечты эта идея подготовила великий «шторм неба» гигантски целенаправленной техникой. Но, считает летчик-космонавт В. Севастьянов, освоение космоса — «это проблема меньше всего «техническая»... это проблема нравственная».

Люди редкой профессии, космонавты обладают развитым чувством нового и зоркостью особого рода — у нее планетарная подоснова, подсказывающая пути пристального и всестороннего осмысления жизни.

У Валерия Кубасова я прочла знаменательные слова: «Прорыв человека в космос — величайшее из современных приключений».

Наша стремительная эпоха сама предлагает остросюжетные положения. Динамизм приключения отвечает характеру времени. В. Кубасов напоминает фразу «Приключения великих уравнений» и добавляет: «Приключения пронизывают всю нашу жизнь. Необычность, неожиданность, парадоксальность. Так уж устроен человек. Равнодушие для него губительно. Чувство остроты переживания заставляет сос-

редоточиться, напрячь внимание. Человеку свойственны и высокая любознательность, желание испытать себя, поставить в необычные, даже нелепые, с точки зрения «здорового смысла», условия. Этимто и объясняется страсть к «непродуктивным» на первый взгляд увлечениям, таким, как, скажем, прыжки с парашютом или альпинизм».

«Неотъемлемое, присущее человеку» Грин находит в тяге к необычному. Разве не той же тягой к необычному продиктован лыжный переход семерки отважных к полюсу? Или пешее путешествие моряка-журналиста из Владивостока в Москву? А другие многочисленные факты противоборства одиночек с пространством суши и моря в наши дни? Все это чистые эксперименты психофизической выносливости, непродуктивные лишь с точки зрения «здорового смысла», но высокопродуктивные с точки зрения веры человека в себя, в свою личностную неповторимость и силу.

Один из персонажей Грина говорит: «Я очень прост, во мне странное только то, что я надеюсь на невозможное». На наших глазах меняются стереотипные представления о духовных и физических задатках человека. Невозможное сегодня — завтра сбывается, и потому не увядает романтика Грина.

В основе его сюжетов лежит движение человека к совершенству, и это делает творчество Грина современным и долговечным. Фантастическая гипербола превращается под его пером в урупненное мерило человеческих дел. Оно приложимо к нравственным критериям людей, живущих в рамках одной семьи или всего земного шара. В его обсерватории чувств неожиданность имеет силу увеличительного стекла, оно приближает лицо неистраченного человека.

Должное в мировоззрении Грина — это прекрасное, а прекрасно только то, что активно выражает человеческое. Способ убеждения Грина — красота во всем. Изумление совершенством — вот чего добивается романтик.

Природа, нива трудов и искусство — два мира красоты, куда вписал Грин разнообразие жизненных конфликтов.

В «свои неполные двадцать лет» герой рассказа «Жизнь Гнора» не может объяснить себя в любви, чтобы не сказать и о своем миропонимании. «Красивый мир — это земля», — говорит он своей избраннице, «прекрасный — искусство», а третий — любовь, совершенство взаимопонимания между людьми.

«Красивый мир» земли начинается воспитание, а поэзия — по Грину, идеальное выражение свободы — продолжает начатое дело совершенствования души. Сначала человек бессознательно восхищается очарованием пейза-

жа, потом научается постигать сокровенный смысл воссозданного на холсте.

Властью таланта Грин мог решить в пользу героя любую противоречивую ситуацию, подчинив сопротивление материала благородству романтического замысла. Людям искусства он не облегал задачу, целиком отдав их во власть призвания. В этих сюжетах драматизм борьбы часто достигает критического накала.

Безумие, смерть, любая катастрофа угрожают художнику, если ему не дано выразить истину и глубину своего дара. Траговка темы отвечает значению, которое находит Грин в пересоздающей способности искусства. Оно возвышает и воодушевляет, но само рождается в муках.

Судьбы художников драматичны, и корни неуживчивости одаренных натур лежат не в причудах характера. Художника изнурают сложность его профессии, его почти сверхъестественная чувствительность, муки и «радость обостренного созерцания», опалющий вихрь впечатлений, когда бросается он к карандашу и бумаге «в обманчивом восторге ложного захвата сокровищ».

Невозможно поставить знак равенства между ощущениями человека и творца, рожденного в этом человеке. Такой гармонии не существует. Конфликтность, которой полна жизнь, с утроенной силой атакует художника в его обостренном чувстве правды. Вечный пленник своего таланта мечется между жадной ясности истины, простых радостей бытия и неоступным стремлением запечатлеть труднопостижимое, вечной тягой к совершенству, вечной неудовлетворенностью собой.

Такой была жизнь и самого А. С. Грина.

Он врос в наше время крепкими корнями, след его остался, значит, был крупным, ибо, по его же словам, «малый след скоро зарастает травой».

Л. МИХАЙЛОВА.

● Скульптурный портрет А. С. Грина, выполненный к юбилею писателя В. Рязанцевым.

Фото Е. Загуляева (ТАСС).

● Гравюры, выполненные С. Малышевым, — Феодосийский литературно-мемориальный музей А. С. Грина, кабинет писателя, старая Феодосия, каюта капитана Геза.

